

12. Лаврова, А. Н. О специальных подъязыках (LSP) / А. Н. Лаврова // Самостоятельная работа студентов в условиях современной информационной среды: Материалы Всерос. научно-метод. конф. (Н. Новгород 19–22 мая 1998 г.). – URL: http://www.nntu.ru/RUS/NEWS/t4_d6.htm, свободный.

13. Мельников, Г. П. Основы терминоведения / Г. П. Мельников. – М., 1991.

14. Никулина, Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии фразеологии современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Никулина. – М., 2005.

15. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М., 1961. – С. 46–54.

16. Солнышкина, М. И. Морской профессиональный язык / М. И. Солнышкина. – М., 2005.

17. Ходакова, А. Г. Терминологическое понятие в профессиональном и повседневном общении / А. Г. Ходакова // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы II Международной научно-практической конференции (Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.) / отв. ред. О. А. Александрова, Е. Ф. Жуков: в 2 т. – В. Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 396–398.

УДК 81

В. Г. Дидковская

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород)*

О СИСТЕМНЫХ СВОЙСТВАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

В статье анализируются основные системные свойства фразеологических сочетаний русского языка, объединяющие их с фразеологизмами-идиомами. Автор приходит к выводу, что свойства фразеологических сочетаний свидетельствуют о существенных расхождениях между ними и фразеологическими единицами, препятствующих их объединению в одну фразеологическую парадигму.

Фразеологические сочетания, идиомы, фразеологическая парадигма.

The paper analyses the main system properties of phraseological combinations of the Russian language combining them with the phraseological idioms. The author concluded that the properties of phraseological combinations suggested the essential differences between them and phraseological units hindering their combination into one phraseological paradigm.

Phraseological combinations, idioms, phraseological paradigm.

Введение.

Ю. Н. Караулов называет системный подход к изучению явлений языка одним «из четырех китов», на которых базируется научная парадигма современной лингвистики. Системный подход имеет своей целью познание сложного языкового объекта как определенной системы, существующей в единстве субстантных и структурных показателей, определяющих его качественную природу. В то же время системность предполагает соотнесение изучаемого явления с другими составляющими более сложной общей системы, частью которой он является. Это позволяет произвести, с одной стороны, интеграцию объекта, а с другой стороны, его делимитацию, что оказывается весьма важным при описании неоднозначно определяемых, сложных по языковой сущности единиц.

Любая единица языка предстает носительницей триады свойств: *субстантных*, присущих ей в единстве формы и содержания в составе сверхпарадигмы, *реляционных*, заданных парадигматически и синтагматически, и *системных*, манифестирующих ее уровневую локализацию. Они существуют в неразрывном единстве и взаимопределяют друг друга: субстантная природа языковой единицы предсказывает ее реляционные и системные показатели, а они в свою очередь влияют на формирование сущностных параметров. Таким образом, исследуя, например,

уровневую локализованность языковых единиц, мы получаем возможность объективно судить о природе их сущностных свойств и о качественном различии (или сходстве) с единицами других уровней, и напротив, анализируя сущностные, субстантные свойства, возможно с максимальной объективностью решить вопрос о месте их носителей в системе языка.

Основная часть.

По отношению к русской фразеологии системный подход имеет решающее значение для решения двух вопросов: о существовании особого фразеологического уровня в системе русского языка и о качественном составе самой фразеологии. Второй из них, традиционно формулируемый как вопрос об объеме и границах фразеологии, постепенно утрачивает остроту и яркую дискуссионность, свойственные ему в 70–80-е гг. прошлого века. В исследованиях последних лет прослеживается тенденция к признанию неоднородности состава фразеологических единиц (ФЕ): все «шесть фразеологий», выделенных В. Н. Телия [10], включаются как составные части в макрообъект изучения единой науки «Фразеология». Либерализация подхода к объему языковых фактов, определяемых как «фразеология русского языка», открывает новые возможности для исследования фразеологического пространства, так как не ограничивает сферу научного анализа определенным клас-

сом или классами фразеологизмов, а позволяет рассматривать сферу русской фразеологии как неомогенное, многоаспектное и многомерное объединение, существующее в соотношении с другими явлениями языка. Для некоторых единиц этой «шестиуровневой» фразеологии такой подход оказывается особенно продуктивным, так как позволяет показать их самоценность и самобытность.

К таким единицам в первую очередь относятся фразеологические сочетания (ФС), которые В. Н. Телия объединила во Фразеологию-2, изучающую связанные значения и сочетания. Уже сама соположенность двух Фразеологий, фразеологии идиом (Ф-1) и фразеологии ФС (Ф-2), наглядно подтверждает, что вопрос о границах фразеологии по сути своей был и остается вопросом о том, соответствуют ли ФС по своим субстантным свойствам «идеальным» ФЕ. Научные мнения по этому поводу представлены двумя полярно противоположными оценками: «ФС наделены фразеологическими свойствами и являются одной из разновидностей фразеологизмов» или «ФС не обладают фразеологическими свойствами и не входят в состав фразеологической парадигмы русского языка». Интересной в связи с этим представляется точка зрения Б. А. Ларина, вообще отказавшего ФС в праве на отдельный языковой статус. Он называет их преходящим, кратковременным эпизодом в истории образования идиоматики языка, выражениями, не имеющими своих характерных и показательных примет [7, с. 147]. Как представляется, решение данного вопроса не допускает таких однолинейных суждений, так как заключению о сущностных свойствах объекта должен предшествовать анализ, направленный на то, чтобы установить природу этих свойств, а также меру сущностного сближения или расхождения языковых явлений, которые мыслятся как их носители. Рассмотрим некоторые из свойств, которые принято рассматривать в качестве интегративных для фразеологического состава русского языка.

1. Первое место в их ряду занимает **воспроизводимость**, т. е. регулярная повторяемость, возобновляемость в речи, выражение данного значения определенной формой [5, с. 5]. Воспроизводятся и ФС *вдаваться в подробности*, *обращать внимание*, *производить впечатление* и фразеологизмы *бить баклуши*, *брать быка за рога*, *валять дурака*. Вместе с тем, использование новых источников языковых фактов позволяет установить некоторые специфические черты воспроизводимости ФС по сравнению с ФЕ. Так, результаты, полученные при изучении бытования фразеологии в ассоциативно-вербальной сети, позволили установить, что сила взаимного притяжения между компонентами, обеспечивающая воспроизводимость, которая должна быть, по видимому, одинаковой для всех ее единиц [4, с. 5], в ассоциативном поле имеет разные количественные характеристики. Оказывается, что стимул, который потенциально может стать компонентом фразеологизма, извлекает из языковой памяти носителей языка реакции, «доставляющие» ФЕ, с высокой степенью вероятности. Иными словами, именно они яв-

ляются самыми частотными для данного стимула, например: *водить*: за нос 195; *бросать*: камень 116; *капля*: в море 143; *соль*: земли 66; *час*: пик 124 и др. [РАС, I, 1994].

По данным того же РАС, составные части ФС не связаны такой постоянной и сильной зависимостью, во всяком случае, примеры типа *принимать*: участие 66, решение 53 – единичны. Как правило, частотность синтагматических реакций, образующих ФС, незначительно отклоняется от единицы. Интересно, что даже такая «навязчивая» реакция на стимул *победа*, как *одержать*, находится далеко не на поверхности сознания языковой личности: *одержана* 3; *одержать* 2 [РАС, I, 117]. Особенно показательны те случаи, когда один и тот же стимул может стать ассоциативной базой и фразеологизма, и ФС: *водить*: за нос 195; ... дружбу 2; ... заблуждение 1. Как представляется, эти данные позволяют сделать вывод о том, что ФС обладают качественно иной, по сравнению с ФЕ, воспроизводимостью. Ассоциативная связь «стимул – реакция», образующая ФС, не является автоматизированной, и поэтому их воспроизводимость сопровождается известной долей неопределенности; иными словами, не является абсолютной. Можно предположить, что в ассоциативно-вербальной сети они зафиксированы как своего рода матрицы, предназначенные для выражения понятийного содержания определенного типа: ‘перестать испытывать состояние’ – *выходить из терпения*, *из равновесия*, ‘начинать испытывать сильное отрицательное чувство’ – *впадать в ярость*, *в гнев*, *в тоску*, тогда как ФЕ существуют в языковой памяти «в готовом виде».

2. Свойство воспроизводимости обычно связывается с **устойчивостью**, поэтому те лингвисты, которые относят ФС к воспроизводимым единицам, признают их устойчивыми, что и получает закрепление в одном из наиболее употребительных наименований этой группы сочетаний – устойчивые (слово)сочетания. Устойчивость, рассматриваемая как интегративный признак ФЕ, традиционно используется в качестве аргумента для объединения ФС с другими фразеологизмами.

Однако так же, как и воспроизводимость, устойчивость ФС оказывается не совсем «фразеологической». Этот тип устойчивости можно назвать устойчивостью формы, которая проявляется в количественных ограничениях сочетаемости компонентов (см., например, такие определения, как: высокая совместная встречаемость; более высокая частотность употребления одного слова с другим словом; ряд ограничений, налагаемых системой языка на реализацию стержневого члена сочетания). Такого рода устойчивость, безусловно, присутствует и у ФЕ, и у ФС; более того, она даже используется для классификации последних: так, Е. Г. Борисова предлагает выделять более устойчивые сочетания, например, с компонентом *питать* (*питать надежду, любовь, чувство*), сочетающимся с узким кругом субстантивов, и малоустойчивые, например, с компонентом *вести* (*вести беседу, дело, жизнь, переговоры разго-*

вор), имеющим обширную сочетаемость [1, с. 148–149].

Если же рассматривать устойчивость как свойство содержания ФЕ, раскрывающее специфику их значения («устойчивость – это мера семантической слитности и неразложимости компонентов»; «...это мера сопротивляемости фразеологизма как особой, качественно определенной единицы языка свободному словосочетанию...», см.: [5, с. 5–7]), то ФС предстают как единицы неустойчивые, или, вернее, такие, которым это свойство в принципе не присуще, так как их компоненты раздельны и выделимы в общем значении сочетания: *приносить в дар* – совершать действие + дарения; *принимать участие* – совершать + совместные действия; *питать уважение* – испытывать + чувство, основанное на признании чужих заслуг, высоких качеств и др.

На наш взгляд, то свойство, которое называют устойчивостью, имея в виду различные ограничения совместной встречаемости компонентов, следовало бы назвать, воспользовавшись термином В. М. Мокиенко, моделируемостью [9, с. 42–44]. Моделируемость ФС обусловлена следующими факторами:

а) она теснейшим образом связана с матричной воспроизводимостью ФС;

б) она выражается в таком явлении, как серийность, которая составляет их отличительную особенность [3, с. 58–59].

Моделируемость обусловлена тем, что ФС, как уже отмечалось, обслуживают ограниченный круг стандартных смыслов, которые передаются ограниченным же кругом структур. Так, для глагольно-именных ФС можно указать следующие соответствия «смысл – структура»: ‘начать пребывать в состоянии’ – *впадать во что, приходить во что (впадать в тоску, приходить в расстройство)*; ‘каузировать действие, состояние’ – *вводить во что, вызвать на что, навести что, приводить во что, предать чему, ставить во что (вводить в расходы, приводить в изумление, ставить в известность, навести страх, предавать казни, вызвать на разговор)*; ‘прекратить или изменить действие, состояние’ – *выводить из чего, терять что (выводить из терпения, терять контроль)* и др.

Таким образом, модель ФС можно определить как закрепленный в языке образец для выражения определенного содержания, как объединение определенных структурных типов сочетаний на основе общей инвариантной семы (сем). Таким образом, моделируемость ФС оказывается соотносительной с устойчивостью ФЕ, но не является таковой по существу.

3. Устойчивость связана с **семантической целостностью** единиц фразеологического состава. Мы принимаем то определение семантической целостности, согласно которому она представляет собой «такое внутреннее смысловое единство фразеологизма, которое в конечном итоге приводит к полной или частичной потере компонентами собственного лексического значения» [5, с. 7]. Свойством семантической целостности ФС не обладают как аналитиче-

ские образования, значение которых допускает разложение на словесные семантические доли. Об этом говорится уже в классической дефиниции В. В. Виноградова, в которой ФС представлены как тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов [2, с. 159].

Различия ФС и ФЕ в этом отношении вскрываются при помощи приема аппликации, основанного на совмещении одноструктурных единиц с тождественным глагольным компонентом, например, *предать земле* и *предать казни*.

Значение ФЕ *предать земле* ‘похоронить’ не может быть разложено на значение глагольного и именного компонентов и не возникает из их семантического взаимодействия, поскольку определить, в каком из своих значений они употреблены, невозможно. Если даже предположить, что компонент *предать* соотносится с производным значением этого глагола ‘отдать во власть, предоставить в распоряжение’, то компонент *земля* в этом случае не поддается семантической расшифровке, а если допустить, что он имеет значение ‘почва’, то глагольный компонент теряет свое словарное значение. Правда, существительное *земля* на фоне общего значения ФЕ ‘похоронить, закопать в землю’ сохраняет смысловую выделимость, но это только уменьшает семантическую целостность фразеологизма *предать земле*, но не превращает ее в аналитическое сочетание. Этот факт объясняется тем, что само значение ‘похоронить’ возникло не из семантического взаимодействия двух слов, а в результате метафорического переосмысления всего исходного словосочетания, в полном составе, а не пословно. Эффект семантической неразложимости значения фразеологизма *предать земле* объясняется «просвечиванием» его этимологического значения, в котором отражено представление о похоронном обряде как о возвращении человека к началу своего бытия («прах есть и в землю отыде») и еще более древнее представление о передаче, вручении земле, связанное с ее персонификацией как праматери человечества.

ФС *предать казни* состоит из слов, употребленных в одном из свойственных им значений: глагол имеет фразеологически связанное значение ‘подвергнуть действию’, а существительное – свое основное значение ‘лишение жизни’ [МАС, III, 326 и II, 15]. Вследствие этого общее значение ‘казнить’ допускает разложение на словесные семантические доли: ‘произвести действие + лишения жизни’. Отметим, что глагольная и субстантивная составляющие по-разному проявляют себя в общем значении ФС. Глагол *предать*, кроме общекатегориальной семы процессуальности и семы каузативности (‘*сделать так, чтобы...*’), не содержит индивидуализирующих семантических признаков и вследствие этого только задает понятийный объем значения ФС; существительное *казнь* корректирует его содержание и в то же время реализует заложенную в нем самом процессуальность (‘*лишение*’). Результатом их взаимодействия является функционально единая и семантически слитная, но делимая единица ФС *предать казни*. Следует заметить, что глагол в таком

сочетании выполняет важную информативную функцию, создавая представление о действии и задавая «образ» номинируемой ситуации как вручение, передачу за счет фоновой ассоциации с глаголом *передать* в его исторически первичном значении '*передать*'. Этому, несомненно, способствует и форма Д.п. субстантива, индуцирующая представление об адресованности действия. Образность значения глагольного компонента в составе подобных ФС можно назвать этимологической метафоричностью, отразившей переключение ассоциативной сферы глагола и имени (конкретный глагол + абстрактный субстантив) в процессе образования ФС как языкового знака.

Таким образом, ФС не обладают, как ФЕ, семантической целостностью, возникающей в результате переосмысления исходного словосочетания, им свойственна аналитичность (разложимость) содержания, соответствующая аналитической форме. То, что называют обыкновенно целостным значением ФС, является свойством, производным их функции – служить слитным обозначением процесса или явления.

4. Свойством формы, объединяющим ФС и ФЕ, считается обычно «несловность» **образующих элементов**, у ФС – одного, у фразеологизмов – всех. Однако это отличие не является чисто количественным, оно отражает их качественные различия и теснейшим образом связано с одной из теоретических проблем фразеологии – проблемой фразеологического **компонента**, связанной с решением вопроса о десемантизации составных частей фразеологизмов.

Наше понимание природы компонента соответствует определению, приведенному в монографии В. П. Жукова «Русская фразеология»: «Компонент – это составная часть фразеологизма, представляющая собой семантически преобразованное слово... Компонент воспринимается как слово ... до тех пор, пока ему может быть однозначно приписано то или иное внесистемное <...> значение. <...> Во всех остальных случаях компонент приходится рассматривать как такую составную часть фразеологизма, которая лишена словесных свойств, несоизмерима со словом» [5, с. 10]. Показательно, что противоположное решение проблемы компонента, т. е. признание его словом, наделенным семантическим содержанием, использует в качестве доказательной базы ФС (*оказывать помощь, причинять вред, хранить молчание*) или близкие к ним обороты типа *приходить в голову, проливать слезы*, т. е. такие выражения, в которых составляющие являются словами или не вполне утратили словесные качества. Затем по принципу «единое в едином» словами признаются компоненты всех без исключения ФЕ и им приписывается определенное содержание, называемое фразеологически связанным значением. А между тем, уже простое сопоставление таких оборотов, как *оказать услугу* (ФС) и *точить ласы* (ФЕ) свидетельствует о неоднотипности их составляющих. Во фразеологизме *точить ласы* 'вести пустые разговоры' его составляющие не сохранили семантическую связь с соответст-

вующими словами свободного употребления (см.: [5, с. 10]), они не имеют лексического значения и не являются лексическими единицами.

Напротив, значение составных частей ФС, как отмечал В. В. Виноградов, может быть описано, определено или выражено синонимом. В сочетании *оказать услугу* не только словоформа *услугу* имеет словарное значение, но и глагол *оказать* получает словарную дефиницию: <...> 2. С некоторыми сущ. образует сочетания со значением того или действия... (МАС, II, 604). Такой тип лексического значения называют фразеологически связанным. Глагол, вернее, глагольный ЛСВ с фразеологически связанным значением вместе с другими типами ЛСВ и словами принадлежит лексико-семантической системе языка.

Таким образом, составные части ФС – это не десемантизированные компоненты фразеологизмов, а слова, реализующие в его составе свою лексико-семантическую сочетаемость.

Выводы.

Сопоставительный анализ основных свойств ФЕ и ФС, предпринятый нами в поисках «фразеологичности» последних, позволяет сделать вывод о том, что ФС не располагают комплексом собственно фразеологических свойств: они не обладают семантической целостностью, их слагаемые являются единицами лексико-семантической системы русского языка. Те же свойства, которые номинально объединяют их с фразеологизмами, имеют качественно иную природу: устойчивость предстает как структурно-семантическая моделируемость, а связанная с ней воспроизводимость существует как матричная воспроизводимость. Таким образом, свойства ФС свидетельствуют о существенных расхождениях между ними и ФЕ, препятствующих объединению названных языковых явлений в одну фразеологическую парадигму.

Итак, ФС – это единицы с совмещенными свойствами, которые Л. Я. Маливицкий относил к нечетким языковым явлениям. Он отмечал, что само их выделение связано с изменением представлений о языке как о жесткой структуре, которые уступили место положению о гибкости языковой системы, проявляющейся в разнообразных «лингвистических неясностях» [8, с. 5]. Множественность и разнообразие подобных явлений позволяют предположить, что именно они обеспечивают устойчивость, стабильность и одновременно коммуникативную подвижность языка. Все это, на наш взгляд, требует изучения ФС как особой микросистемы, единицы которой наделены собственными, объективно присущими свойствами, не зависящими от субъективных установок исследователя.

Литература

1. Борисова, Е. Г. Пакет «Устойчивые словосочетания» / Е. Г. Борисова // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Ма-

шинного фонда русского языка. (Материалы к методической школе-семинару). – М., 1988. – С. 145–176.

2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.

3. Дидковская, В. Г. Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке / В. Г. Дидковская. – Новгород, 1996.

4. Добровольский, Д. О. Фразеология как явление живой русской речи / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов // Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М., 1994.

5. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М., 1986.

6. Караулов, Ю. Н. «Четыре кита» современной лингвистики, или о предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке (от содержания науки к ее истории) / Ю. Н. Караулов // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке. – М., 1986. – С. 33–52.

7. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). – М., 1977.

8. Миловицкий, Л. Я. Семантика переходности и семантика неопределенности / Л. Я. Миловицкий // Проблемы лингвистической семантики: Материалы межвузовской научной конференции. – Череповец, 1996. – С. 5–11.

9. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М., 1980.

10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996.

Словари

РАС: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1–4 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М., 1994–1996.

МАС: Словарь русского языка. Т. I–IV. – М., 1981–1984.

УДК 811.161.1'28

Е. Н. Ильина

Вологодский государственный университет

ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ФОКУСЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект 15-04-00205 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома», научный руководитель: Л. Ю. Зорина)

В статье представлен обзор теоретических проблем и принципов описания диалектной языковой личности. Анализируется опыт ее изучения в различных диалектологических центрах России, рассматривается галерея речевых портретов сельских жителей Русского Севера, опубликованная в серии изданий «Народная речь Вологодского края», комментируется лингвоперсонологический потенциал источников различной жанровой и стилистической принадлежности.

Диалектология, языковая личность, вологодские говоры.

This article is devoted to the review of theoretical problems and principles of the dialect language personality description. The author analyzes the ways of studying the dialect language personality used in the different Russian dialectology centers. In the article the special attention is paid on the speech portraits of villagers of the Russian North, published in the books named "Folk speech of the Vologda land". The author describes the potential of the literary sources differing in genre and style for studying the language personality.

Dialectology, language personality, Vologda dialects.

Введение.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение языковой личности наших современников – жителей различных регионов, представителей разнообразных профессий, носителей различных типов языковой культуры. Исследование языковой личности включает в себя описание ее типов и уровней реализации, факторов, определяющих свойства языковой личности, характеристику источников речевого материала, позволяющих реконструировать наиболее значимые для личности фрагменты картины мира [2], [4], [16], [17], [28] и др. В сфере лингвистической персонологии активно изучается феномен *диалектной языковой личности* [9], [14], [20], [22], [27] и др. Это овокупность проявляемых в языке свойств человека – жителя опреде-

ленной местности. В процессе анализа речи диалектной языковой личности может быть реконструирована модель мира, свойственная жителям данной местности (диалектная языковая картина мира), а также могут быть описаны региональные варианты материальной и духовной культуры этноса. Социокультурные трансформации российских деревень, сокращение в них числа коренных жителей – носителей территориальных диалектов, хранителей бытовой и духовной культуры – усиливают необходимость фиксации их устной речи, создания архива диалектных текстов, на базе которого могут быть описаны особенности диалектной языковой личности.

Исследование диалектной языковой личности осуществляется в различных направлениях. Одно из важнейших направлений этой работы – создание